

После расставания с Диезом Розелин тут же направилась на площадь. Магазины и лавки, торгующие яствами, выстроились вдоль площади. Так что, к сожалению, опасения Диеза оправдались: Розелин ослепла от уличной еды. Ее воссоединение с Рикардисом и спутниками казалось чем-то далеким; однако благодаря Рикардису, прекрасно знавшему ее характер, Розелин была немедленно поймана.

Рикардис разместил старших рыцарей в лавках с длинными очередями. Он знал, что Розелин считает подобные забегайки богатыми самой вкусной едой. Так что Пардикт схватил Розелин перед мясной лавкой, а затем ее окружили и дружно отчитали.

—Роза!

Пардикт встал руки в боки и рыкнул.

—З...Знаешь, как мы волновались? Ах, эта девица!

Розелин набрала в рот воды, осознавая свой промах.

—Господин был так встревожен, что смотрел в оба глаза, будто искал потерянную собаку!

Пардикт был побит Леоном за неуместное выражение лица. Рикардис прислонился к стене, скрестив руки и закрыв глаза. Он не хмурился: его лицо отражало спокойствие. Розелин не могла не взглянуть на него.

—Ты где-нибудь ранена?

Пока Розелин наблюдала за ним, Рикардис резко заговорил, отчего виновница опешила. Вскоре в ее размышлявших над вопросом глазах промелькнула тень сомнения.

«Не пора ли отчитать?...»

Ее голос был тише, чем ожидалось.

—...Нет.

Рикардис открыл глаза и подошел к Розелин. Даже когда рыцари, ростом выше Рикардиса, ужасающе зарычали, Розелин не могла разделить их чувств. Однако в этот момент ее захлестнули эмоции, словно крича: «Все, я попала. Меня вот-вот отругают!»

—...Что за подозрительный взгляд? В любом случае я рад, что ты обошлась без травм.

Ах, сегодня его высочество очень добр! Розелин сняла нацепившую маску умирающего щенка и широко улыбнулась.

—Тогда, Роза, ты кого-нибудь была во время нашего разлучения или вызывала какие-либо заметные инциденты, заслуживающих внимания городской стражи?

«Я ушла как раз перед тем, как началась драка, да и не дралась напрямую... Может быть... Ах, я не должна этого говорить!»

—Нет!

Рикардис глубоко вздохнул на ее воодушевленный ответ и медленно откинул голову назад.

«Похоже, ничего не было...»

Рикардис пришел на площадь сразу после того, как его и Розелин разлучили. Все это время ему, не смыкающему глаз, снились кошмары. Сцены, в которых Розелин наводила хаос, ввязывалась в авантюру или избивала городскую стражу, бесконечно повторялись в его голове. Все воображаемые приключения Розелин объединяло одно: она всегда оказывалась запертой в тюремной камере. Так в его голове Розелин трижды становилась предательницей и примерно пять раз сбегала из тюрьмы.

Увидев перед собой улыбающуюся Розелин, его тревога стихла. Рикардис округлил глаза. Его лицо тотчас посуровело, и он начал ругать Розелин. Как мог рыцарь сопровождения покинуть объект сопровождения? Из-за еды? Он не так хорош, как еда?

Из-за нее вспыхивало раздражение.

Однако, услышав, что виноваты были величественные шашлычки, приготовленные исключительно из мяса, без зеленого лука или какой-нибудь зелени, зажатых между кусочками. «О, неудивительно...» Так ответил Рикардис. Как кошка, опьяненная кошачьей мятой, как бабочка, одурманенная цветком, в этот момент Розелин действовала скорее инстинктивно, нежели слепо, закрыв глаза на долг.

Пока угрюмая Розелин пила фруктовый сок, чтобы восстановить силы, шумная улица быстро смолкала.

На трибуну в центре площади вышел мужчина в белой накидке. Его одежда и ожерелье указывали на то, что он принадлежал к одному из семи верховных жрецов континента.

Он отличался от других священников, чьи волосы были аккуратно собраны. Его бледно-розовые вьющиеся волосы, казавшиеся бледными из-за света, свободно ниспадали. Из-за его нелепой одежды, которая выглядела мешковатой или даже вывернутой наизнанку, было трудно сказать:

костюм на нем или же накинутая белая занавеска.

Верховный жрец почесал затылок и постучал пальцем по виску. Отчего головной убор скопился еще больше. Каждое его движение было неторопливым, как у старика, но лицо столь юным, что он выглядел как двадцатилетний молодой человек.

Чтобы стать первосвященником, количество святой силы имело решающее значение, но длительная практика под Божьей верой также играла немаловажную роль.

Так что этот молодой первосвященник либо вошел в храм в очень юном возрасте, либо у него хватило мужества проигнорировать годы обучения. За исключением Розелин, все в их отряде узнали его личность.

— Кажется, за проповедь отвечает верховный жрец Лахеанси.

Лоурел Сноуфилд, 4-й принц Священной Империи Иллавении, принц, отказавшийся от своего титула, Лахеанси.

Первосвященники всегда участвовали в национальных мероприятиях, связанных с Белой ночью. А Лахеанси отвечал за «Ночь без тени» в этом году. Хотя он и верховный жрец, бывший в прошлом принц, было трудно избежать давления матерых первосвященников.

Работа священника заключалась в чтении священных писаний и благословения людей. Однако, в отличие от дворян, от простолюдинов нечего было получить. Простолюдины мало знали содержание священного писания и не могли понять его эзотерического смысла. Кроме того, никакие золотые или серебряные сокровища не попадут в карманы священника из-за незаконных махинаций, посему они никоим образом не пожелают прийти в такое место.

Возможно, из-за того, что простолюдины всегда видели священников с вечно недовольной физиономией— или даже не пытающихся скрыть выражение лица, всем видом говорящее о том, что они находят эту обязанность хлопотной, — они не возражали против вольного Лахеанси. Они восприняли это как знак того, что благородный первосвященник Лахеанси удостоил чести выйти к ним.

Рикардис хотел объяснить всем, что Лахеанси на самом деле обычный лентяй. Однако сделать это было невозможно, и подобное его расстраивало.

«Не следует ли ему хотя бы действовать живче в общественных местах?»

Лахеанси поднял руку. И без того притихшая толпа еще больше затаила дыхание.

— Граждане, взгляните, полная луна возвысилась над окраиной города Иллавении, и так наступила Бестеневая ночь.

Рикардис нахмурился.

—...Что за грубость?

Вопреки сухому ответу Рикардиса, люди на площади поразились.

—Оооооо!...

Все встали на колени, издав короткое восклицание. Рикардис и его рыцари также должны были встать на колени, если не хотели стать замеченными. Это было унижительно.

—Вначале был только хаос, тьма Краэна Тиданиона пронизывала мир, посему ни одна травинка не давала всходов. Тот, кто избавился от хаоса и даровал свет... кто?

Лахеанси в общих чертах прочитал священное писание, приложил руку за ухо и наклонился, дабы послушать, что скажут люди. Из-за просьбы дать ответ на площади поднялся шум. Каждый год приходит Ночь без тени, но впервые они слышат подобную проповедь. Заметив их колебание, Лахеанси повторил: «Скажите! Кто?!»

Толпа переглянулась и выкрикнула.

—Иделавхим...

—Я вас не слышу! Громче! Кто?!

—Иделавхим!

—Вот так. Иделавхим. Девушка, ответившая первой. Ты особенная. В награду я дарю тебе это писание. Оно окаймлено золотой фольгой, поэтому, если его продашь, это принесет немало денег.

Позади Лахеанси мирянин, державший святую воду, плотно сомкнул веки. Если приглядеться, то можно увидеть, как дергаются виски, но непохоже, чтобы это было от боли в голове. Растерянная девушка, сидевшая возле трибуны, распахнула глаза, когда ей протянули книгу. Они действительно передали ей писание. Рикардис смотрел на происходящее холодным взглядом. И с мыслью «чокнутый»...

—Когда Иделавхим светом низверг тьму Краэна Тиданиона, мир наконец-то распахнул свои объятия. Мир увидел свет Иделавхима. И кому же мы обязаны воздать эту славу?

—Иделавхиму!

—Верно. Научите одного человека, и десять человек будут знать. Все очень умны. Моя душа довольна.

Зрелище выкрикивающих имя Иделавхима было захватывающим. Лахеанси продолжил, почесывая свои лохматые волосы.

—Но Крэан Тиданион также могущественный бог сие мира. Иделавхим и Крэан Тиданион три дня и три ночи...О, не беспокойтесь об этих трех днях и трех ночах. Это всего-навсего выражение. Так или иначе, Иделавхим и Крэан Тиданион сражались, но война богов закончилась без явного победителя и побежденного...Вот так они соткали день и ночь. И в мире, где мы живем, день под господством Иделавхима, а ночь покрыта завесой хаоса Крэана Тиданиона.

Стихи, которые священники запоминали и читали, были трудны для осознания другим, потому как они состояли из хитрых словосплетений, доступных понимаю только священникам. Даже те, кто обладал хоть горсткой знания, ломали головы, пытаясь интерпретировать содержание писания.

—Тогда что такое «Ночь без тени», спускающаяся каждый год? Именно в этот день наш Иделавхим впервые одержал победу над ночью, силой Крэана Тиданиона. Когда сила Иделавхима достигает апогея, завеса ночи исчезает, и свет благословения охватывает весь мир. Он оживляет все живое, благодаря ему благоухают цветы, а растения плодоносят. Писание говорит, что эта благословенная ночь откроет мир богов, который мы, простые смертные, не в силах постигнуть. Исчезновение тени считается доказательством. Эммм... Честно говоря, я сам этого не видел, так что не знаю.

Миряне скорчили еще одну гримасу за спиной. «Все шло так хорошо, но тебе нужно было ляпнуть бесполезную ерунду...»

—Как бы то ни было, благословение Иделавхима сошло на озеро в форме орла и даровало первому императору Иллавении силу призывать благословенную ночь. Ого... С этого момента тут скукота...Двигаемся дальше. Ну-с, это все, что вам нужно знать. Да здравствует его величество император.